

«СТИЛЯЖНИЧЕСТВО» КАК ФЕНОМЕН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1950-1960 ГГ.

Денис Игоревич Муренко

Институт истории СО РАН, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, аспирант;
МБОУ «СОШ № 175», 630054, Россия, г. Новосибирск, ул. Титова, 43/2, учитель истории,
тел. (961)877-16-59, e-mail: denismurenko@yandex.ru

В статье продемонстрированы основные особенности возникновения и развития эпатажной субкультуры среди новосибирской молодежи. Выявлены главные факторы стихийного протеста против принятых в общественном сознании стандартов поведения, а также против единообразия в одежде, музыке и стиле жизни. Рассмотрены основные слои молодежи, из которых пополнялись ряды стилияг – студенчество, «золотая молодежь», молодые рабочие. Показаны основные методы борьбы против негативных элементов молодежной субкультуры.

Ключевые слова: комсомол, молодежь, оттепель, нонконформизм, молодежная субкультура, идеологические кампании, стилияги, инакомыслие, девиантное поведение, пропаганда.

DUDES AS A PHENOMENON OF DEVIANT BEHAVIOR OF NOVOSIBIRSK YOUTH IN 1950-1960

Denis I. Murenko

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaeva St.,
Novosibirsk, 630090, Russia, Ph. D. Student; MBOU «SOSH № 175», 43/2, Titova St., Novosi-
birsk, 630054, Russia, History Teacher, phone: (961)877-16-59, e-mail: denismurenko@yandex.ru

The main features of the emergence and development of the shocking subculture among Novosibirsk youth are demonstrated. The main factors of spontaneous protest against the standards of behavior adopted in the public consciousness, as well as against uniformity in clothes, music and lifestyle, are revealed. The main layers of the youth are considered, from which the ranks of the dandies were replenished - students, “golden youth”, young workers. The article shows the main methods of struggle against the youth subculture.

Key words: komsomol, youth, thaw, non-conformism, youth subculture, ideological campaigns, dudes, dissent, deviant behavior, propaganda.

К концу 1940-х гг. в среде советской молодежи возникла культурная фронда в виде новой «бытовой оппозиции» – стилияги, которые своей одеждой, прическами, косметикой, украшениями копировали «продвинутую» западную молодежь. Стиляжничество квалифицировалось в широких общественных кругах как негативное, враждебное, чуждое советским людям явление.

Однако настороженное отношение к недавно появившимся стилиягам было не только в СССР, но и в Европе, США и Канаде. Подобные молодежные субкультуры, такие, как хулиганы-стиляги, битники, хиппи, хальбштатки, пижоны всюду считались одинаково общественно опасными. Значительно преувеличи-

вая угрозу от таких «девиантов» по отношению к общепризнанным общественным и семейным эстетическим и моральным ценностям, европейские государства впадали в панику и нередко отвечали насильственными расправами с по большей части надуманной опасностью [16].

Истоки зарождения стилижничества уходят в первые послевоенные годы, когда советские воины, освободив Европу от фашизма, столкнулись с совершенно другой культурой и стилем жизни. Музыка, одежда, искусство, образ жизни на трофейных кинолентах формировали в первую очередь у молодежи представление о загранице как о некой «обетованной земле» [3]. Естественно, подобные проявления любви к западному образу жизни рассматривались властями как элемент несознательности. Поэтому советская молодежь стала восприниматься властями не только как субъект строительства коммунизма, а как потенциальная жертва тлетворного влияния Запада, и способная, вследствие этого, к проявлению различных девиаций социокультурного типа.

Зарождение стилижничества, как специфической формы молодежной девиации, в этих условиях имело под собой и объективные основания, так, согласно М. Брейку, субкультуры, как «системы значений, способов выражения или жизненных стилей», отражают попытки решить структурные противоречия, возникшие в более широком социальном контексте [17].

В послевоенные годы в низах, несмотря на мощную идеологическую накачку в сознании людей, происходила эрозия веры в коммунистическое будущее. Сделать борьбу за коммунизм реальным содержанием повседневных действий личности оказалось невозможно. Для подавляющего большинства людей жизнь с повседневными трудностями настолько контрастировала с обещаниями «близкого коммунистического завтра», что даже сверхоптимистам пропагандистские уверения представлялись сказками. Помимо этого, рост образованности общества разрушал многие стереотипы и утопии. Молодежь становилась менее податливой к примитивным идеологическим клише, индивидуализм получал все большее распространение, влияние коммунистической идеологии ослабевало.

В Сибирь стилижничество проникло с некоторым опозданием только к середине 1950-х гг., но распространение получило несколько позднее, когда уже духовная атмосфера после XX съезда КПСС существенно изменилась. В общественную жизнь включились те процессы, которые постепенно подтачивали идеологическую гегемонию коммунистической партии. Так, как подчеркивал А. Грамши, любое государство является гегемонией, облеченной в «броню принуждения». Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан, он называл культурной гегемонией. Если главная сила государства и основа власти – гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условие его слома сводится к тому, как достигается или подрывается гегемония. Установление и подрыв гегемонии – процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение социально-классовых сил, а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей [5, С. 63–66].

Таким образом, появление на улицах сибирских городов такой вестернизированной публики, как стилиаги, значительно деформировало социокультурные паттерны советских людей. Так, исходя из концепции Р.Мертонa, который связывал девиантное поведение с расхождением между социально предписываемыми целями и приемлемыми средствами их достижения, можно утверждать, что появление стилиаг в поведенческом пространстве советских городов, особенно провинциальных, выглядело как «бунт». В терминологии Р. Мертона это означает отрицание и культурных целей, и социально одобряемых средств их достижения, и замену их на новые цели и средства.

Первых советских контркультурщиков всячески высмеивали в столичных сатирических журналах. Стилиаги фигурировали в газетных публикациях как аморальные типы, балансирующие на грани преступления или, по меньшей мере, как нарушители привычных поведенческих норм. Существует даже легенда, что слово «стиляга» впервые появилось в фельетоне, опубликованном в журнале «Крокодил» в конце 40-х годов [3, С. 195].

Новосибирская пресса также не отставала от столичных изданий в формировании негативного образа стилиаги. Так, в одном из выпусков «Молодости Сибири» за 1958 г. в статье с говорящим за себя названием «От «стиляжничества» к преступлению» рассказывалось о похоронах милиционера, погибшего от пуль, выпущенных стилиагами-преступниками в ходе ограбления магазина в Москве. Конечно, причины и мотивы, толкнувшие молодых людей на преступление, могли быть самые разные, однако в газете отмечалось, что «путь от узких брюк к пистолету был целиком обусловлен стилиажничеством» [7].

В Новосибирске, как и в других городах Сибири, стилиажничество было менее заметно, чем в Москве или Ленинграде, потому что приобретение импортной одежды было очень сложным, каналы ее поступления в регион были чрезвычайно узки. Даже столичные стилиаги приобретали модные «шмотки» с огромными трудностями. В сибирских же городах прослойка «золотой молодежи» и фарцовщиков в эти годы не сложилась, мода доходила сюда с опозданием. Стилиагами в Сибири были в основном студенты из обеспеченных семей.

Вот как описывали стилиаг в печатном органе Новосибирского обкома ВЛКСМ – газете «Сталинское племя»: «Он сообщает, что учится в строительном институте. Она – слушательница курсов иностранных языков. На нем что-то странное: то ли полупальто, то ли полупиджак розового цвета, застегнутый на одну пуговицу. Из-под этого сооружения торчат сизые дудочки-брюки. На шее нечто напоминающее галстук, разрисованный зелеными пальмами и желтыми мартышками. На кукольном лице девушки большое багрово-красное пятно, изображающее рот. Синие ресницы, на груди проволочный золоченый паук размером с тихоокеанского краба» [15].

Конечно, стремление к собственному стилю и манере поведения трудно назвать политическим протестом. Однако в послевоенных условиях, когда одежда и вкусы были унифицированы, яркий галстук с экзотическим рисунком, зауженные книзу брюки, пиджак в крупную клетку, кок вместо чубчика – все это

выглядело весьма подозрительно. Не случайно стилиажничество поначалу считалось таким же правонарушением, как битье окон, драки, мелкие кражи [13].

Секретарь Железнодорожного райкома ВЛКСМ Л. Л. Медведев дал такую характеристику стилиагам: стилиага – это такой человек, у которого в голове ничего нет, кроме заботы о том, чтобы иметь брючки – узенькие трубочки, его голова забита только этим. Вот почему он вреден, этот стилиага [2].

Собирательный образ стилиаги был весьма условным. С одной стороны, существовала очень тонкая, особенно в сибирской провинции, прослойка «элиты», экипированная по последней моде, а с другой масса подражателей, с перешито-перекроенными нарядами. Поэтому спектр стилиажных портретов был очень широк: от дендизма, близкого к уровню западных «мажоров» – до кустарного копирования смутно представляемых атрибутов [11].

В каждом крупном городе у стилиаг были особые места для «хиляния». Их называли «Бродами» (От «Бродвей»): В Москве – улица Горького и Пушкинская площадь. В Новосибирске – «дистанция» на Красном проспекте от нынешнего кинотеатра «Маяковский» до ЦУМа (ныне Краеведческий музей). Показательно, что «Бродами» становились центральные улицы и площади городов, это подчеркивало демонстративный характер причастности к сообществу стилиаг [11]. Группы «стильной» молодежи фланировали по «Броду», удостаивая кого легким кивком, кого неописуемо радостным приветствием. Так, газета «Вечерний Новосибирск» от 3-го августа 1959 года писала: «Брод» – это любая улица любого населенного пункта, по которой бродят дикари, мыслящие на американский манер. Дикарей надо безжалостно гнать и с главных улиц, и из переулков. Нам не подходит заморский «стиль», он нам враждебен. Это должны понять все, чтобы быть непримиримыми к тарзаньим патлам, непристойным костюмам, развинченными манерам, убогим вкусам, чуждым мыслям» [1].

В Новосибирске были организованы комсомольские бригады содействием милиции (БСМ), которые во время патрулирования улиц, должны были поддерживать правопорядок. Как крайняя мера применялось обрезание у стилиаг волос и разрезание чрезмерно узких брюк. Обычно дело заканчивалось просто профилактической беседой. Иногда патрульные фотографировали «модников» прямо на улице, и эти фотографии вывешивались на всеобщее обозрение в общественных местах.

В качестве профилактики стилиажничества среди студенческой молодежи проводились различного рода мероприятия. Так, в Новосибирском пединституте в 1957 г. комитет комсомола провел диспут «Поговорим о вкусах», на котором студенты в течение 4-х часов в свободной форме обсуждали, что такое стилиаги. По словам одной из участниц этого диспута комсомольцы без всякого доклада сверху сами решили правильно, как к этому относиться. В 1958 г. в Институте инженеров водного транспорта (НИИВТ) прошли диспуты «В человеке должно быть все прекрасно», «О вкусах спорят», на которых подверглись критике все извращения, допускаемые отдельными студентами [2].

Стилиажничество находило своих сторонников не только среди интеллигенции и студенческой молодежи. Оно проникло и в рабочую среду. Так, например,

в 1958 г. в большом зале клуба имени Клары Цеткин проходил вечер танцев, организованный комитетом комсомольской организации завода «Сибсельмаш». «И вдруг в разгар веселья погас свет. Вы думаете, раздались возмущенные крики, вздохи огорчения? Ничуть не бывало. Такое «стечение обстоятельств», прямо скажем, совсем не случайное, было встречено всеобщим ликованием. Оркестр грянул нечто вроде «буги-вуги», в кромешной тьме пары завертелись еще энергичней. Такое продолжалось почти до утра» [8]. Как отмечалось, в зале не нашлось «ни одного настоящего комсомольца», чтобы прервать это мероприятие.

В Железнодорожном районе Новосибирска с проявлением стилижничества среди рабочих решительно боролись. Так, в своем выступлении на XX комсомольской конференции района (декабрь 1957 г.) комсорг одной из строительных организаций С. Беспалов заявил: «У нас также процветали такие стилияги, но мы это быстро пресекли настенной печатью. Сейчас зайдешь в клуб на любые танцы и не увидишь там ни одного стилияги». Из зала спросили, что они сделали с известным стилиягой Юрием Петровым. Беспалов ответил, что Петров является комсоргом 231-го поезда, однако сшил себе брюки-дудочки и отрастил «гриву». С ним неоднократно проводили беседы, пытались воздействовать уговорами. Но потом комсомольцы 3-го участка собрались и потребовали, чтобы он остриг «холку», иначе его силой «приведут в порядок». На утро Петров вышел на работу стриженным. Речь комсомольского секретаря вызвала ликование и аплодисменты [2].

Согласно архивным документам, для комсомольских вожаков существовало два вида стилияг. Первые – это стилияги по внешнему виду и по внутреннему содержанию. Вторые – лишь только по внешнему облику.

На наш взгляд, основная проблема заключалась в том, что общественно-комсомольский прессинг, который «давил» на стилияг, приводил к тому, что гонениям стали подвергать обычных молодых людей, всего лишь интересующихся модной одеждой. Так, модельер Новосибирского дома моделей В.Э. Грицюк в своей статье, вышедшей в 1957 г. в газете «Молодость Сибири» отмечала: «Сейчас, мне кажется, слово «стиляга» уже в какой-то степени изжило себя, потому что, пользуясь им, некоторые огульно охаивают совершенно неповинных в стилижничестве людей. Стало считаться чуть ли не позором быть хорошо одетым. Слово «стиль» стало прямо-таки ругательством» [9].

Порой, гонениям подвергались не только стилияги, но и люди, не имевшие к ним отношения. Так, студент Сельскохозяйственного института Владимир Токарев был вынужден даже написать письмо в «Комсомольскую правду» с оправданием того, зачем он приобрел узкие брюки, из-за которых его высмеивали при встречах, «продернули» в курсовой и факультетской газете, а на комсомольском собрании объявили выговор с угрозой исключения из учебного заведения: «Стиляг в нашем обществе справедливо презирают, – писал студент: Я понимаю: стилияга – этот тот, у кого мелкая, серая душонка. Это человек, для которого предел мечты – платье с заграничным клеймом и веселая танцуйка под низкопробный джаз. Но разве можно человека, у которого есть цель в жизни, кото-

рый стремится учиться и который одевается недорого, но красиво, по моде, называть стилиягой? Неужели я «стиляга» и со мной надо вести борьбу?» [6]. Редакция газеты провела собственное «расследование», в результате которого выяснилось, что В. Токарев вообще не посещал танцы, проводя большую часть свободного времени за учебой, а также выполняя комсомольские поручения – был комсоргом группы и агитатором.

Этот случай вполне объясняет тот факт, что зарождение стилиажничества в Сибири произошло на десятилетие позже, чем в Москве и Ленинграде. Стилиага в общественном сознании стал восприниматься не как «космополит безродный», а как прожигатель жизни и лентяй. К тому же в конце 1950-х годов западная мода, особенно после Молодежного фестиваля 1957 г., стала все глубже проникать в жизнь советского человека, поэтому грань между стилиагами и обычными молодыми людьми, одевающимися по моде, была весьма условна. К тому же сибирский вариант стилиаги оказался специфическим. Прослойка элиты стилиаг-«штатников», тех, кто мог позволить себе одеваться в импортные костюмы, была невелика. В основном преобладали подражатели, действующие методом «перешить-перекроить» [10, С. 12–13].

В разряд «стиляг», или, как еще очень часто в стенограммах комсомольских конференций пренебрежительно писали – «стеляг», мог попасть любой со вкусом одетый комсомолец, особенно если за ним были замечены факты высказывания своего мнения, отличного от мнения комсомольского руководства.

Например, секретарь комитета ВЛКСМ Института инженеров водного транспорта И.А. Сидоркин отмечал, что «у некоторых комсомольцев душа не соответствует тем требованиям, которые предъявляются комсомольцам. Так, студент 4-го курса электротехнического факультета Рецепттов в группе крайне негативно высказался о качестве советской обуви. Это не понравилось комсомольцам группы, потому что Рецепттов – это человек, которому советская власть дала все. Он своими руками не произвел ни грамма продукции для народа и смеет охаивать то, что производится трудом советских рабочих. Такие явления имеют место не только у нас в институте, они имеют место и в пединституте, и в других коллективах, есть такое приклеивание ярлыков – наше советское нехорошее, вот заграничное хорошо. Когда-то говорили, что это космополитизм» [2].

По всей видимости, студент Рецепттов не относил себя к стилиагам, однако в последующем, другие выступающие на конференции делегаты уже упоминали его как стилиагу. О том, что незаслуженное «приклеивание ярлыков» имело место, говорил секретарь комсомольской организации «Гипротраснпроекта» И.Бондарев: «Нужно сказать, что кличку «стиляга» мы иногда приклеиваем неосновательно. Я очень люблю Советское правительство, люблю Советское государство, но считаю, что наша обувь хуже чешской. Мне кажется, что этот вопрос ставится неправильно. Приклеили такой ярлык, не разобравшись, и начинаем судить». Секретарь Железнодорожного райкома ВЛКСМ вообще заметил, что судить нужно не по одежде человека, а по тому, что полезного для комсомола он делает, а не просто «носит билет в кармане», также заметив, что среди стилиаг есть замечательные люди [2].

Студенчество являлось основной «социальной базой» стиляжничества. Причем официальной пропагандой стиляги-студенты преподносились в качестве «бесящихся от жира» выходцев из обеспеченных семей. Однако, стилягами становились не только представители «золотой молодежи». Естественно, сегодня не представляется возможным определить точную численность стиляг в Новосибирске в те годы. Ясно одно: для комсомольского и партийного руководства их численность явно превышала все допустимые нормы.

Так, в марте 1957 г. на V пленуме Новосибирского горкома ВЛКСМ секретарь горкома КПСС В. П. Марченко возмущался, что он видит стиляг каждый день и их количество не сокращается. Первый секретарь обкома ВЛКСМ И. Лихачев отмечал значительное присутствие стиляг на танцевальных вечерах в медицинском институте.

В других вузах картина была иной. Например, в Институте инженеров железнодорожного транспорта в середине 1950-х гг. студенты продолжали ходить на занятия в форме, похожей на военную, поэтому для стиляг там просто не было места. В другом Новосибирском вузе – Институте инженеров водного транспорта стиляг можно было сосчитать по пальцам. Секретарь институтского комитета ВЛКСМ на районной комсомольской конференции в декабре 1957 г. упомянул лишь троих стиляг – Терехова, Меркурьева и Протасова. Определил их не только по одежде, но и по «внутреннему душку». «Стиляг, – заявил он, – как надо представлять? Стиляга – это человек, не приспособленный ни к какому труду, это лодырь и бездельник. Между прочим, это дети влиятельных родителей. Недавно, – доложил Сидоркин, – разговаривали на партбюро. Пришли к выводу: таких держать в институте нельзя. Если они не ценят того, что дала им Советская власть, и если не знают, что такое труд, то их нужно научить работать на производстве, своими руками зарабатывать хлеб, а потом разрешать получать образование» [2].

Сидоркин также посоветовал райкому комсомола не препятствовать наведению порядка в высших учебных заведениях и предложил в отношении отдельных лиц пойти на исключение из комсомола. Тем более это будет полезно XIII съезду ВЛКСМ, с тем, чтобы каждый вуз имел более здоровый коллектив.

Другие выступающие, правда, отмечали, что настоящим «подарком» съезду будет не исключение из института, а «перевоспитание», потому что «в основном эти стиляги наши комсомольцы».

Под «перевоспитанием» обычно понималась какая-либо общественная или идеологическая работа на благо коллектива. Так, например, секретарь комитета ВЛКСМ НИИВТа отмечал, что был в институте комсомолец Меркурьев, который старался протащить в газету заметки, которые не соответствуют нашему духу. Он пишет, что пульсация нашей крови больше соответствует быстрому танцу фокстрота, нежели другому танцу. Он считает, что у него особая кровь, а у нас не такая. Меркурьева мы осудили и довольно строго наказали, дали ему возможность исправиться и поручили ему идеологическую работу. Он руководит радиоузлом в общежитии [2].

Однако такие методы перевоспитания были не вполне применимы ко всем стилягам-комсомольцам. К примеру, в строительном институте, по мнению секретаря комитета комсомола 3-го строительного участка «Дорстроя» С. Беспалова, стиляг всего два человека, с которыми местная комсомольская организация не может справиться [2].

Полное отсутствие желания перевоспитываться, как правило, приводило к одному результату – исключению из комсомола. Например, в отчетном докладе на 21-й комсомольской конференции Железнодорожного района (январь 1959 г.) упоминался комсомолец Иванов, который интересовался танцами рок-н-ролл и буги-вуги. Комитет комсомола исключил Иванова из ВЛКСМ и просил дирекцию отчислить его из института.

Конечно, рекомендация к отчислению – это еще не факт действительного отчисления. По всей видимости, это было, скорее, крайней мерой. Как правило, из рядов ВЛКСМ исключали лишь отъявленных хулиганов, дебоширов или за систематическую неуплату членских взносов. Конечно, среди подобного контингента могли быть и стиляги, но если они вели себя в определенных рамках, то их, как правило, комсомольские органы не трогали. Но если эти рамки дозволенного нарушались, то ответная реакция была жесткая.

Примером тому служит дело Лебедевой, Лутанской, Ефимовой – трех студенток 3 курса Новосибирского электротехнического института связи. В 1959 году в день выборов ими было опущено в урну на имя депутата письмо, в котором они дали следующие «наказы»: закрыть библиотеку марксизма-ленинизма, открыть ночные рестораны на Оби, ввести преподавание американских танцев в институтах.

На комсомольском собрании института студентки раскаивались, говорили, что не могут найти оправдание своему поступку. Списывали все на легкомысленность, неопытность. Однако комсомольским работникам также стало известно, что студентки создали неформальную организацию «ССС» – Союз Советских Студентов – и рассылали письменные приглашения другим студентам для вступления в нее. Однако, по словам студенток, серьезными делами организация не занималась, а лишь одними шутками. Согласно свидетельствам одногруппников, Лебедева, Ефимова и Лутанская общались со стилягами, которые и рассказали им о джазе, об американских танцах и западной музыке [2]. Один из них, кстати, на этом «процессе» проходил как свидетель, заявивший, что о музыке они разговаривали, но он не может поверить, что письмо написано именно этими девушками. Речь «свидетеля» комсомольские работники быстро прервали, напомнив ему, в качестве упрёка, что он почему-то посещает институт с накрашенными ногтями.

По мнению одногруппников, Лебедева с подругами также отличались экстравагантным внешним видом и, судя по всему, двигались в сторону стиляжничества: началось как бы с малого – стрижки под мальчика, но потом это вылилось в настоящих стиляг по внешности и по душе [2].

Комсомольское собрание института превратилось в показательное «избиение» инакомыслящих студенток. Выступали друзья и сокурсники, и предлагали

жестко наказывать студенток, вплоть до исключения из комсомола и института. Раздавались и такие голоса: своими письмами они хотели заплевать завоеванное прошлыми годами! Они не внешностью стилиаги, а внутренне! Дать характеристику, которая бы не позволила поступить ни в одно высшее заведение! Что собственно и было сделано. На следующий день после заседания комитета девушек исключили из ВЛКСМ, и в их отношении была дана рекомендация на отчисление из института.

Судя по архивным документам, уголовного преследования студенток не последовало, хотя их действия вполне можно было квалифицировать как антисоветские. Вообще, как отмечает историк С.А. Рафикова, стилиаг если и судили, то, в основном, за спекуляцию, хулиганство и тунеядство, поскольку по другим статьям квалифицировать их «преступное» поведение против общества не представлялось возможным [12].

Тем не менее в конце 1950-х годов комсомол, как показывает борьба со стилиажничеством, не отказался от радикальных методов борьбы с инакомыслием. Это вполне объясняется тем, что в условиях «холодной войны» образ стилиаги ассоциировался с образом заокеанского врага. Руководство партии и комсомола воспринимало появление стилиаг не просто как рождение чего-то нового, а как настоящую политическую и идеологическую диверсию Запада. Так, например, секретарь Железнодорожного райкома КПСС П. М. Кудрин отмечал, что, когда идеи социализма овладевают все большим количеством масс, буржуазная пропаганда свои усилия направляет на идеологический фронт. Эта буржуазная пропаганда клеветает на Советский Союз, пропагандирует американский образ жизни, развращает молодежь [2].

Однако все больше предпосылок развития инакомыслия формировалось в рядах самого Коммунистического Союза Молодежи. Характеристика «Скованные одной цепью, связанные одной целью» все в меньшей степени отражала социокультурный портрет комсомольцев [14].

Эти процессы были также вполне характерны для Новосибирска. Так, на той же XIX комсомольской конференции Железнодорожного района отмечалось, что в комсомольской среде часто слышатся анекдоты, которые не только «попахивают гнильцой», но и по сути являются антисоветскими. Конечно, в конце 1950-х годов еще сложно говорить о появлении открытого диссидентства, однако бытовая неустроенность сибиряков самопроизвольно рождала в народе более критическое восприятие действительности.

По словам историка А. А. Слезина, комсомол и стилиажничество не только находились в конфронтации, но и оказывали друг на друга взаимное влияние. Так, по его мнению, внедрение в советскую повседневность элементов западного образа жизни способствовало обращению комсомола к эстетическому воспитанию. На XIII съезде ВЛКСМ (апрель 1958 г.) было официально объявлено, что комсомольцы должны помогать молодежи уметь разбираться в том, что художественно и красиво, уметь правильно оценивать произведения литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыкального, танцевального и вокального искусства. В качестве задач комсомола выдвигалась забота о культурном облике

и чистоте каждой квартиры, дома, села, города, каждой улицы, поощрение стремления молодежи просто и со вкусом одеваться. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. комсомол активно участвовал в организации выставок детской игрушки, детского рисунка, создавал кружки домоводства, кройки и шитья, привлекал к их руководству художников, искусных домохозяек. Даже показ мод находился в сфере деятельности ВЛКСМ.

К примеру, новосибирский модельер В.Э. Грицюк в своей статье также отмечала, что Дом моделей, при поддержке комсомола, должен играть большую роль в эстетическом воспитании молодежи: «Все эти вопросы волнуют молодежь, и поэтому было бы очень хорошо, если бы об этом зашел большой разговор на молодежном вечере, комсомольском собрании, на страницах нашей молодежной газеты. В развитии вкуса могут помочь журналы мод наши советские, и стран народной демократии» [9].

Отталкиваясь от «тлетворного влияния» стиляг, новосибирский модельер вывела свою формулу стиля для советских людей: «Наш советский стиль складывался под влиянием прогрессивного, творчески перерабатываемого наследия человечества, создавая новую, советскую культуру. Нашему стилю присуща гармоничная, продуманная без всяких вычурностей и поверхностного шика одежда... Мы не должны чуждаться и опыта зарубежного моделирования... Наши советские девушки и юноши заслуживают поощрения в своем желании одеваться как можно наряднее. Лучше – не значит стремиться иметь много дорогих нарядов. Дорогие вещи обыкновенно очень долговечны в носке, их трудно поддерживать на постоянно меняющемся уровне моды. Поэтому лучше всего для молодежи приобретать вещи недорогих тканей, модно пошитые» [9].

На очередном областном съезде актива ВЛКСМ (апрель 1958 г.) первый секретарь обкома комсомола И. Лихачев призывал молодежь больше внимания обращать на внешний вид и осудил участников комсомольских патрулей, которые ходят в расстегнутых рубашках, в грязных сапогах, и при этом гордятся своим «пролетарским видом» [2].

Стиляжничество не только заставило некоторых комсомольцев пересмотреть свои взгляды на моду, но и помогло задуматься об эстетическом воспитании подрастающего поколения. Ведь, несмотря на то, что Новосибирск в конце 1950-х годов являлся одним из культурных центров страны, комсомольские руководители города все чаще поднимали вопрос о недостаточном культурном уровне молодежи и о том, что этот уровень необходимо поднимать. Ю.А. Брагинский – основатель Академического хора НГТУ, а в далеком 1959 г. комсомольский секретарь музыкального училища, отмечал на районной конференции, что комсомол мало что делает для эстетического воспитания молодежи. Оперный театр очень часто пустует, симфонические концерты посещает только определенный круг зрителей. На хороших программах, когда исполняются великолепные произведения, очень мало молодежи [2].

Инструктор горкома ВЛКСМ С. Лысенко на IX пленуме горкома комсомола также отмечал, что очень мало внимания обращается на эстетическое воспитание молодежи. Многие клубы работают по старинке в отрыве от за-

просов и интересов молодежи... А клубы обязаны учить нашу молодежь красиво танцевать... Работа клуба не должна ограничиваться устройством танцев и вечеров. Клубы должны учить молодежь разбираться в том, что красиво и что некрасиво [2].

Однако не комсомольская пропаганда смогла победить стилижничество, а смена эпох и модных тенденций. Уже к началу 1960-х гг. на смену стилигам приходят другие молодежные субкультуры – битломаны и хиппи. Тем не менее слово «стиляга» не сразу ушло из лексикона простых обывателей. Даже в конце 1960-х гг. зачастую стилигами называли всех, кто пытался как-то выделяться внешне.

Согласно психологу Г. Тарду – одним из типичных видов социального подражания является подражание низших слоев высшим. Можно сказать, что подобное желание подражать высшим слоям – столичной «золотой» молодежи – заставляло молодых новосибирских стилиг идти на конфликт с общественным мнением.

Несмотря на все методы борьбы, в самом комсомоле отношение комсомольцев к стилигам оказалось неоднозначным. Агрессивные методы зачастую лишь усиливали интерес молодежи в запретной субкультуре. В результате среди рядовых комсомольцев все больше стали выявлять неопитов «стиляжничества». Этот фактор, а также постепенное внедрение в советскую повседневность элементов западного образа жизни способствовали изменению методов противодействия «стиляжничеству». Комсомол вынужден был все больше внимания уделять эстетическому воспитанию и формированию своего «советского» стиля среди молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вечерний Новосибирск. 1959. 3 августа. №181.
2. ГАНУ. Ф.П-198, 230, 396.
3. Дымарский В.И. Времена Хрущева. В людях, фактах и мифах. М., 2011. – 352 с.
4. Стиляги. Эпатажное течение в молодежной среде 1940–1960-х гг. / А. Г. Осипов, Н. Н. Макаренко, Е. А. Милова, А. А. Головина // ГЕО-Сибирь-2011. VII Междунар. науч. конгр. : сб. материалов в 6 т. (Новосибирск, 19–29 апреля 2011 г.). – Новосибирск : СГГА, 2011. Т. 6. – С. 196–210.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2005. – 832 с.
6. Комсомольская правда. 1958. 5 апреля. №81.
7. Молодость Сибири. 1958. 7 сентября. № 109.
8. Молодость Сибири. 1958. 22 января. № 10.
9. Молодость Сибири. 1957. 8 декабря. № 244.
10. Рафикова С. А. Субкультура или подражательство? Стиляги Сибирской провинции // Культурологический журнал. 2010 /2. – С. 1–14.
11. Рафикова С. А. По проспекту словно манекен. Образ стилига глазами сибирских обывателей // Родина. – 2010. – №10. – С. 135–138.
12. Рафикова С. А. Сибирский стилига // Родина. – 2010. – № 9. – С. 149–152.
13. Силина Л. В. Стиляжничество и советская молодежь в 1940-1950-е годы // Научные труды Московского государственного педагогического университета. Серия: социально-исторические науки. Сб. статей. – М., 2003. – С. 140–141.

14. Слезин А. А. "Скованные одной цепью"? (К постижению социокультурного феномена ВЛКСМ) // Человек и культура. – 2016. – № 4. – С. 90–99.
15. Сталинское племя. 1956. 18 апреля. № 47.
16. Ципурский Г. В. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг». Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России / Modernhistory of Russia. 2013. – № 3. – С. 55–83.
17. Brake M. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada / M. Brake. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. – 238 p.

© Д. И. Муренко, 2019